

Родилась 27 марта 1974 года в маленькой северной деревеньке Медведево Каргопольского района Архангельской области. Дед научил читать в три года. До сих пор помню первую книжку — сказку Аксакова «Аленький цветочек», которую читали с бабушкой на кровати с никелированными шарами и ажурным, связанным бабушкой из белых катушечных ниток подвесом. С тех пор не расстаюсь с книгами, в детстве даже мечтала стать библиотекарем.

После окончания Кречетовской средней школы училась в Каргопольском педагогическом училище на учителя начальных классов. В 1999 году с отличием закончила факультет филологии и журналистики Поморского государственного университета. Уже более двадцати лет преподаю в сельской школе русский язык и литературу. По второму своему образованию — педагог-психолог.

Первые стихи о ромашках и шмелях написала в детстве. Потом, как многие, писала в юности, но надолго забросила сочинительство. Вернулась к литературному творчеству уже в зрелом возрасте.

Пишу стихи и рассказы, портретные очерки. Увлекаюсь фотографией. Люблю северную природу, цветы, книги.

Публиковалась в Архангельской областной литературной газете «Графоман», журнале «Двина», журнале для семейного чтения «Иван-да-Марья», журнале «Лава» (г.Харьков), в альманахе «Брусника» (г.Архангельск), в коллективном сборнике «Поклонимся великим тем годам» (г.Архангельск), в районной газете «Каргополье».

Призёр конкурса «Мои дороги» (Архангельск, 2014 г). Победитель и призёр многочисленных сетевых конкурсов. Участник международного Волошинского конкурса в номинациях «Проза» и «Поэзия». Сейчас готовлю к выпуску поэтический сборник «Так и жить».

В настоящее время живу и работаю в небольшой северной деревне Кречетово Каргопольского района.

ВСЁ ПО СТАРИНКЕ

Всё по старинке: добротню, тепло, сообща.

Ужин за крепким столом в немудрёной посуде,

Чёрный чугуничик густого мясного борща,

Миска глубокая с вмятиной в старой полуде.

Жарко натоплено, душно в крестьянском доме,

С фото на стенке глядит на семейство божатка,

В рамках — гуденье осенних назойливых мух,

Тонко свистит самовар у печного жаратка.

Хлеба ломоть подставляешь под ложку — и в рот

Тащишь на пару с сестренкой похлёбку из миски.

Спят на лежанке трехшерстная кошка и кот,

Слушаешь походя речи неспешные близких:

О поросёнке — к Покрову бы надо забить,

Об урожае, о хлебе, коровушке стельной.

Всё хорошо и привычно, но душу свербит

Тайная мысль о тарелке — не общей, отдельной.

Долго ли будем из общей посуды хлебать

С мамой, сестрёнкой и папой, бабулей и дедом?

Прошлый же век! Ничего не хотят понимать!

Целым колхозом из миски совместной обедать...

Вот и сбылось. Только это хотелось ли мне?

Взрослая жизнь, и желанья — практичны и мелки.

В собственной светлой квартире сiju в тишине,

Стынет нетронутый ужин на личной тарелке.

ЧТО-ТО ВАЖНОЕ ТАМ ОСТАЛОСЬ

Что-то важное там осталось, в двадцатом веке,
В девяностых, каким «лихие» ярлык приклеен,
Где дефолт, забастовки, путч и пусты сусеки,
Где сам чёрт отличить не может зерна от плевел.

Что-то важное было, памятной смены флага
И тогдашней зарплаты в несколько миллионов...
Там гитара, в копирке чёлка, джинса, общага.
Мой парнишка — семнадцать лет, молодой, зелёный.

Мы в общаге лежим на койке с провисшей сеткой —
Не в квартире, где пол паркетный, в накидках мебель.
Только мы — свет потушен, ночь и ушла соседка.
Лоб не морщила мысль о ценах, насущном хлебе.

А потом полусладкий чай разделить по-братски.
Он по простыни из окошка — стою на стрёме.
Я на фото в обнимку с ним, в боевой раскраске,
Он — в косухе. На фоне неба — цветы черёмух.

Всё сложилось: квартира, дача, машина, мебель.
Девяностые — прошлый век, как моя бездумность.
Там черёмух цветы качаются в синем небе...
Что-то важное там осталось...Осталась юность.

СТАРЫЙ ДОМ

Вечер в деревне наполнен блаженной истомой.
Крылья заката легонько касаются крыш.
Тропкой знакомой иду на свидание с домом,
Мягким ковром под ногами пружинит спорыш.

Путь этот с детства моими шагами измерен,
Скрипнет замшелый заворчик, сбивая росу.
Ржавый замок без ключа, коромысло у двери,
Запах с открытой повети щекочет в носу.

Пахнет навозом, мукой и слежавшимся сеном,
Пол коридора в кусках облетевших белил.
Жук-древоточец дырявит осевшие стены,
Мерно стуча, будто ходики кто запустил.

Выцвел от солнца знакомый рисунок обоев,
В узком простенке меж окон висит календарь,
Желтый листок, в сером кружеве пыли — второе,
Год девяностый, смахну паутину — февраль.

Ушлый сквозняк не листает страницы и даты,
Дом в полудрёме далёким живёт февралём.
Веком ушедшим, колхозно-крестьянским, двадцатым,
Намертво вросшим избой в голубой окоём.

ДВОЕ В СЕНТЯБРЕ

Дрожащие сумерки в тёплых ладонях,
Опавшие листья, пахучая хвоя.
Лучистой звездой в небесной короне
На миг зачарованы юные двое.

Двоим в сентябре — словно в тёплом апреле.
Страшит одиноких холодная осень,
А души влюблённых — сплелись, полетели,
Как звонкие нити космических кросен.

Большая Медведица смотрит с тревогой:
«Таким чудакам как служить провожатой?
Обнявшись, стоят на пустынной дороге.
Смешные они — что мои медвежата...»

НОЧЬ НА ОКРАИНЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

То ли мира задворки, то ль это реальность иная:
Тихий, маленький город был днём так знаком и понятен;
Здесь неспешно, размеренно жизнь протекала земная,
В стороне от космических дыр, исторических пятен.

Ночь чернила густые лила на убогость окраин.
Борщевик, немо корчась, протягивал хищные руки;
Тощий пёс, у которого спился и умер хозяин,
Воем жалобил небо, а небо зевало от скуки.

Красным светом тревожно мерцали огни пилорамы,
Циркулярка терзала живое древесное тело
И визжала в восторге, гордясь сотворённой драмой,
А бревно, содрогаясь от боли, печально звенело.

Ночь на землю тарасилась глазом больного циклопа —
День бесследно проглочен его ненасытной утробой.
Старый сторож, изрядно хлебнувший отнюдь не сиропы,
Крепко спал, возле печки повесив линияющую робу.

БАБКИНА РАДУГА

Ярко полыхает в небе радуга.
Летушко кончается — а на-ко вам!
Вышла бы во двор, как знала загодя, —
Отвлеклась, ведь дни-то одинаковы:
Серые, пустые да тоскливые.
Мне на радугу взглянуть-то хочется.
Радуга-дуга, да с переливами,
Словно хвост соседкиного кочета.
Муж-покойник целовал без спросу-то
Девушку, меня под тёплым дождиком.
Радуга горела над покосами...
А теперь и жизнь, считай, что прожита.
В Марьину трубу — куда, нарядная?
Вдруг у ней в печи зола не пахана?
Скоро, скоро темень непроглядная,
Осенью — с болезнями да страхами.
Не беда: порадовалась радуге.
Пролетела жизнь, как ночка летняя.
На дугу-то наглядеться надо мне:
Может, — на земле — она последняя...

КАЧЕЛИ

Гуляла с собакой по школьному саду.
На детской площадке мальчишки шумели:
Наверное, приступом взяли ограду
И вот - оседлали цветные качели.

Как птицы клесты на еловых аллеях
Взахлёб гомонят, семена собирая,
Так шумных мальчишек во время кочевья
Сюда прилетела весёлая стая.

Про гаджеты или про байки судили,
Про злую училку, крутую соседку,
А может, другие мальчишечьи «или»,
Чем с мамой и папой поделишься редко.

Подходим поближе. У парня, что жвачкой
Друзей оделял, вдруг слова с губ сорвались:
«Эй, ребя, смотрите: вон тётка с собачкой!»
Притихли клесты: чужаков застеснялись.

Не будем мешать им. Пора по квартирам.
Хотелось погреться во время циклонов.
Уходим от звонкого детского мира
По серым дорожкам заросших газонов.

Назад обернулась — пустые сиденья
То жёлтым, то синим зазывно мелькают.
Мальчишки-клесты показались виденьем:
Поманит, подразнит, бесследно растает.

Быть может, в манящее взрослое «завтра»
Они убежали, они улетели.
А ветру неймётся — качает с азартом
Беспечного детства цветные качели.